

Переводы и комментарии

ГЛАВЫ 8–9 ИЗ КНИГИ «ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИИ И ДИКТАТУРЫ: ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ С КОМПАРАТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ»¹

Станислав Андрески

Глава 8. Фашисты как «умеренные»

Возможно, наиболее распространенной ошибкой в рассуждениях о социальных процессах является реификация. При обсуждении явлений *высокого* и *низкого* статуса, *ригидных* обычаев, распадов, ускоренного роста, развития, правых и левых, люди часто молча предполагают, что атрибуты пространственных отношений (линейность, аддитивность, транзитивность), от которых производны указанные термины, характеризуют также совокупные результаты множественных человеческих взаимодействий, к которым метафорически относятся эти термины. Термин «экстремист» – показательный тому пример. Но любому мыслящему человеку должно быть понятно, что этот ярлык становится бессмысленным ярлык без указания континуума, к которому он должен относиться, поскольку никто не может быть однозначно экстремистским. Следовательно, «экстремистом» можно быть в некоторых отношениях, хотя не обязательно и не во всех. К тому же возникает вопрос: какое качество или измерение имеется в виду? Вначале кажется очевидным, что фашисты представляют крайне «правых», а их наиболее решительные противники – крайне «левых», но мы тогда просто заменяем одно овеществление другим, поскольку «правое» и «левое» также являются пространственными метафорами, точное значение которых почти никогда не уточняется.

Мой тезис заключается в том, что фашисты во многих отношениях были не экстремистами, а скорее умеренными. Такова одна из основных причин того, почему многие, которых не особенно привлекало насилие, поддерживали их на том или ином этапе. Более того, позицию фашистов как «умеренных спасателей от недугов капитализма» можно также объяснить тем известным фактом, что наибольшую поддержку они получили со стороны социально-экономических категорий, занимающих *среднюю* позицию «лестницы» социального богатства и статуса. С. Липсет описывает фашизм (в книге «*Политический человек: Социальные основания политики*») как «экстремизм центра», однако в качестве дополнения можно сказать, что его с равной справедливостью можно интерпретировать и как «центризм экстремистов».

Прежде чем развить данный тезис, надо сделать несколько уточнений. Во-первых, требуется объяснить, что я имею в виду под фашизмом, так как значение этого «ярлыка» на-

¹ См.: Andreski 1992: 63–85.

столько расширилось, что превратилось в некое слово общего ругательства. На мой взгляд, лучше свести его значение к движениям и режимам, которые имитировали идеологию Муссолини, организацию его партии и государства и его метод борьбы за власть путем создания военизированной политической партии. Я исключаю многие другие формы авторитарного правления, такие как чисто военные или бюрократические диктатуры (например, греческие при Папандопулосе) или расистские политические системы в Южной Африке или Родезии, которые можно назвать демократией *Herrenvolk*. Второе уточнение касается сущности тех измерений, в рамках которых фашистов можно охарактеризовать как экстремистов, одновременно поднимая вопрос: что же в таком случае является их противоположной крайностью, и кто наиболее точно ее представляет? Полагаю, что в качестве основной характеристики фашизма можно принять милитаризацию общества, которая выходит за пределы обычных вооруженных сил. Это полностью отличается от милитократии, то есть правления профессиональных военных, которая не обязательно и, как правило, не ведет к милитаризации общества. Фашизм предполагал внедрение военного образца организации, военных ценностей и военной атрибутики во все более широкие сферы общественной жизни. Первое из этих трех свойств почти так же характерно для коммунистических государств, второе менее заметно, а третье почти вовсе отсутствует. Фашисты занимают лидирующие позиции (и потому их можно в этом случае назвать экстремистами), когда дело касается нетерпимости к инакомыслию, повсеместному распространению репрессий, агрессивному национализму и империализму, но ни одно из указанных стремлений не было их «монополией», в то время как ряд нефашистских партий или режимов в этом отношении их превзошли. Противоположность в любом из случаев проявляется не в том, что обычно называют «другой крайностью» или «крайним левым», а в либералах-пацифистах («пацифист» в смысле Джона Стюарта Милля).

В отличие от экстремизма в этом вопросе фашистская идея корпоративного государства предлагала промежуточный вариант между капитализмом *laissez-faire*, который уже тогда существовал и поддерживался всеми консервативными партиями, но явно зашел в тупик, и марксистской программой экспроприации и всеобщей государственной собственности. Действительно, фашистская политика предвосхитила большинство фундаментальных черт экономической системы западноевропейских стран: радикальное расширение государственного контроля над экономикой без массовой экспроприации капиталистов, но с большой дозой национализации, контроля над ценами и политикой доходов, управляемой валютой, массивными государственными инвестициями, попытками централизованного общего планирования (менее эффективными по сравнению с фашистскими ввиду слабости власти). Экономическая политика Лейбористской партии Британии, с ее любовью к «синхронизации» (*Gleichschaltung*), рвением к расширению бюрократического контроля и кадров, была даже ближе к фашистской, чем политика ее континентальных коллег, с учетом того решающего различия, что доминирующая сила независимых профсоюзов ликвидировала возможность централизованного планирования (*написано в 1974 году*).

Если толковать условные ярлыки «правый» и «левый» в зависимости от предпочтений независимого частного бизнеса по сравнению с коллективизмом, то в выравнивании политических партий в большинстве стран Европы фашисты оказались бы в центре континуума, с консерваторами и либералами, с одной стороны, и коммунистами и революционными социалистами, с другой. Национал-социалистическая немецкая рабочая партия, которая никогда не называла себя фашистской, несмотря на то, что ее лидер признавал Муссолини источником своего первоначального вдохновения, и члены которой не навешивали на себя ярлык «фашисты», тоже должна быть помещена в этот континуум слева от Британской лейбористской партии того же периода, большинство членов которой в то время не были особенно за-

интересованы в централизованном планировании и просто хотели проведения реформ, которые смогли бы помочь более бедным классам. Когда система *laissez-faire* заметно пошатнулась, а безболезненные кейнсианские средства еще не были известны, и консерваторы не знали, что делать, среди старых партий последовательная программа действий была только у марксистов. Но эта программа пугала всех, кто мог что-то потерять от всеобщей экспроприации. Тогда как фашистское «спасение» очень понравилось большей части промежуточных классов.

Другой способ понять смысл метафорических ярлыков «правый» и «левый» – оценить их как отношение к сложившимся привилегированным классам или, в более широком смысле (но это почти то же самое), как указание на одобрение или порицание существующей модели неравенства богатства и других привилегий, где «правые» выступают за их сохранение или усиление, а «левые» выступают против и хотят уравнять. Но в этом случае фашисты тоже оказались умеренными. На первый взгляд, они предлагали промежуточную позицию между коммунистическими и социалистическими левеллерами и консервативными защитниками укреплений привилегий, призывая к национальной солидарности и предлагая примирить классы и уменьшить неравенство, не впадая в крайности. Правда, они пообещали больше, чем смогли достичь. Тем не менее традиционное марксистское представление о фашистах как о сторожевых псах капитализма содержит столько же лжи, сколько истины, причем пропорции меняются от случая к случаю. Последнее больше соответствует итальянскому прототипу, чем нацистам, которые реализовали гораздо больше выравнивания. Это, в свою очередь, больше повлияло на статусные барьеры, чем на распределение богатств. Так, для людей из непривилегированных классов открылись новые возможности социального восхождения в партии, аппарате государственного управления и даже в армии (Гитлер разрушил монополию юнкеров на высшие посты), что привело к массовым перестановкам в социальных позициях. Все это было важной частью плана, призванного довести чувство национальной солидарности до точки кипения, чтобы подготовить нацию к войне. Хотя старая прусская традиция, несомненно, помогла, удивительные действия немецкой армии во Второй мировой войне, в которой она не имела соперников по качеству, в то время как в Первую мировую войну она была не лучше французов, похоже, были связаны с успехом Гитлера в ослаблении классовых барьеров в Германии. И наоборот, чрезвычайно плохие показатели итальянской армии (безусловно, худшей во Второй мировой войне) были связаны с «безразличием» Муссолини к более бедным классам и его более сильной склонностью к старой аристократии и капиталистам. Можно сказать, что Гитлер был большим революционером и левеллером, чем Муссолини.

Вера в то, что иерархическое устройство общества не только неизбежно, но и желательно, не требует одобрения нынешнего или предыдущего состава привилегированного класса. В отношении своей программы обновления этого состава фашисты также проявили умеренность, предложив вытеснить только часть господствующего класса. По сравнению с последователями Муссолини подобные преобразования нацистов были более тщательными.

Фашистские и полуфашистские движения в Восточной Европе проявили особенно сильные популистские и антикапиталистические тенденции. Последнее можно объяснить тем фактом, что в Польше, Венгрии и Румынии капиталистами были в основном евреи, этнические немцы или иностранцы. Популистский уклон объясняется тем, что в Италии, Австрии, Германии и других странах Запада демократия дала более бедным классам столько много власти, что во время экономического кризиса богатые и даже умеренно привилегированные почувствовали угрозу. Некоторые из них приветствовали идею замены опасной выдумки всеобщих выборов и, возможно, предотвращения массового восстания диктатором, которого они надеялись приручить. За исключением Чехословакии на востоке диктатура

обеспечила привилегированным классам надежную защиту от народных волнений. Таким образом, фашистские и полуфашистские движения в основном подпитывались недовольством промежуточных слоев и вместо того, чтоб защищать тех, кто обладал богатством и властью, фактически нападали на них. Попытки фашистов создать копии ополчения Муссолини и Гитлера были пресечены. Эта комбинация сил, вероятно, объясняет тот факт, что в этой части мира не возникло полностью фашистского режима.

Более того, в Восточной Европе не было необходимости в антипарламентской риторике. Польская национальная партия, которая в 1930-е гг. создала фашистское молодежное движение, приведшая в свою очередь к появлению независимого фашистского Национально-радикального лагеря, начинала как орган, полностью ориентированный на парламентскую политику, под первоначальным названием «Национальная демократия». Но даже после принятия фашистского приветствия представители партии упрекали Пилсудского и его наследников в отмене демократии и продолжали призывать к свободным выборам.

Если перейти на другой конец Европы, то режим Франко надо классифицировать как полуфашистский, а не фашистский, без всякого оценочного суждения, так как до 1943 г. он было намного более жестоким, чем режим Муссолини. По количеству жертв населения Франко был (до войны) ближе к Гитлеру и Сталину, чем к Муссолини, политических заключенных у которого насчитывалось всего несколько тысяч, фактически меньше, чем количество заключенных во времена Новотного в Чехословакии. Систему Франко даже в период ее расцвета следует описывать как клерико-бюрократическую военную диктатуру – реакционную в том смысле, в каком она преуспела в изменении тенденций и восстановлении основных черт *«старого порядка»* (ancient regime). Он возник в результате военного переворота, и его основными опорами были армия, полиция, церковь, бюрократы и зажиточные собственники; фашистская Фаланга при этом играла незначительную роль. Интересно, что с точки зрения выдвинутого тезиса, среди всех столпов режима именно эта небольшая фашистская партия проявила наибольшую озабоченность по поводу непривилегированных классов и последствий крайне неравного распределения богатства. Используя обычные избитые метафоры, можно сказать, что и в этом случае фашист был «слева» от консерваторов и клерикалистов. Еще в меньшей степени поддается классификации случай Перона, который в своем режиме сочетал различные элементы фашистской идеологии и институциональных механизмов с резко популистской политикой. Этот диктатор, почитатель и общепризнанный ученик Муссолини, освободил промышленных рабочих от давления со стороны работодателей, создал профсоюзы, существенно повысил заработную плату и организовал социальные службы и (особенно через Эвиту) начал льстить массам, унижая при этом многих членов установившегося высшего класса. Однако я не стал бы классифицировать Перона как фашиста, потому что у него не было военизированной массовой партии. Он был свергнут старой военной элитой, когда они ощутили угрозу со стороны его попыток создать подобную партию. Перонизм представляет собой очень интересный феномен – он демонстрирует сочетание черт, которые не сочетаются друг с другом в других частях мира. С точки зрения традиционной дихотомии его можно с равным основанием отнести к «правому», «левому» или «среднему», показывая таким образом, насколько обманчивыми могут быть эти ярлыки.

Глава 9. Псевдофашизм против полуфашизма в Польше в период между мировыми войнами

Характер групп, боровшихся на политической арене Польши накануне Второй мировой войны, представляет собой интересный материал для сравнительного анализа фашизма, поскольку многие свойства, возникшие в классических итальянских и немецких случаях, про-

явились отчасти в них тоже, но только по разные стороны линии, разделявшей соперников за власть.

Режим, установленный Пилсудским после его успешного переворота в мае 1926 г., представлял собой военную диктатуру относительно ограниченного типа, правда более толерантную по сравнению с диктатурой Франко или Пападопулоса в Греции – последние две не проявляли толерантности по отношению к оппозиционным политическим партиям и прессе. Тогда как в Польше Пилсудского оппозиционные партии продолжали действовать и выдвигать своих депутатов в парламент, несмотря на использование ресурсов государства для проправительственной пропаганды, а также своеобразно мошеннического подсчета голосов. Правда, законы торпедировались с помощью различных юридических уловок, нарушающих дух, если не букву конституции, а также запугивания депутатов. Однако оппозиция оставалась яростной как в парламенте, так и за его пределами. Оппозиционные газеты часто использовали оскорбительные нападки на Пилсудского и его помощников, и, хотя проблемы часто скрывались, а ответственные редакторы изданий часто заключались в тюрьмы, газеты продолжали выходить в свет.

Пилсудский был не кадровым офицером, а создателем польской армии. У него не было военной подготовки, а его первый «военный» опыт состоял из «террористических» действий в качестве социалистического активиста в русской революции 1905 г. На этнически польской территории такая революционная деятельность имела весьма смешанный характер: отчасти она была отголоском того, что происходило в России, но многие участники были мотивированы не столько партийной или классовой солидарностью, сколько ненавистью к российскому господству. Спустя годы Пилсудский признался своим бывшим товарищам, что не видит смысла оставаться в Социалистической партии после свержения царя и обретения Польшей независимости.

Рассматривая Россию как главного врага в начале Первой мировой войны, Пилсудский организовал Польский легион в австрийской Польше, надеясь, что в случае распада Российской империи может быть создано польское королевство под властью Габсбургов. Однако после побед над русскими в 1916 г. немцы не чувствовали необходимости предоставлять полякам эту «наживку», и за сопротивление включению его Легиона в регулярную австрийскую армию Пилсудский был отправлен в германскую тюрьму. Когда Центральные державы рухнули, и повстанцы начали изгонять оставшиеся немецкие войска из Польши, Пилсудский стал главой государства и командующим формирующейся армии.

Подобно большинству других, Пилсудский сильно недооценил возможности большевиков и думал, что восстановление старого режима в России представит большую опасность для польской независимости. По этой причине он отложил свое нападение на Киев (с целью создания независимого государства Украины) до тех пор, пока большевики не победили Белую армию Деникина. Если бы эта попытка была предпринята в то время, когда последняя все еще продвигалась к Москве, мировая история могла бы принять совсем другой оборот. Случилось так, что марш Пилсудского закончился катастрофой и вторжением Красной Армии в Польшу, которое было отражено только у ворот Варшавы путем рискованного обходного маневра.

В 1921 г. конституция, созданная по образцу французской, установила парламентское правительство. Как и Голль почти три десятилетия спустя, Пилсудский не смог выдержать парламентскую политическую игру и отказался от всех своих функций в своем доме в стране, и ушел в частную жизнь в неблагоприятных условиях, отказавшись даже от назначенной ему пенсии.

С точки зрения сравнительного исследования необходимо иметь в виду, что в отличие от других личных диктатур, которые в конечном итоге приобрели определенные черты фа-

шизма (Салазар в Португалии и Жетулиу Варгас в Бразилии), в партиях «правых» можно было найти самых яростных врагов Пилсудского, в то время как он пользовался той или иной степенью доброй воли «левых» в последние годы своей жизни. Правда, что вскоре после захвата власти он заключил мир с землевладельческой аристократией, ранее враждебной и боявшейся его социалистических ассоциаций, а в 1930-е гг. он столкнулся с явной оппозицией со стороны партий, образующих левоцентристский альянс. Лидеры этого альянса были незаконно заключены в тюрьму и сосланы. Тем не менее рудиментарный характер его идеологии допускал существование «левого» крыла в его лагере – оно, правда, стало еще сильнее после его смерти, когда наследники власти двигались в направлении псевдофашизма. Установление его диктатуры определенно не было направлено на защиту высших классов или предотвращение популистской революции, как это было в случае с Франко в Испании или Пиночетом в Чили. Опасности восстания низших классов в Польше в 1926 г. не было. С другой стороны, верно и то, что множественность партий, их меняющиеся расстановки и, прежде всего, их злобную фракционность можно было рассматривать как факторы, подрывающие сплоченность и эффективность государственного управления и армия, и, следовательно, как серьезную опасность для выживания страны.

Подобно генералу Видела в Аргентине, положившему конец второму перонистскому режиму, Пилсудский тоже мог обоснованно сослаться на то, что должен спасти страну, находящуюся на грани хаоса. Правда, никоим образом не доказано, что без его вмешательства положение бы не улучшилось, и несомненно, что у его режима были не менее серьезные недостатки, хотя и немного иного характера, но факт остается фактом, что он является следствием необузданной демагогии и фракционности – страной управляли плохо, и этот парламент часто становился ареной неблагоприятных ссор или даже драк. Верно и то, что депутаты, зачастую очень невежественные и жадные, вмешивались в работу администрации, усугубляя ее неэффективность и фаворитизм.

Помимо отсутствия тоталитарных наклонностей, правление Пилсудского отличалось от фашизма отсутствием идеологии, за исключением культа личности и смутного утверждения о необходимости порядка и силы нации. Пилсудский никогда не был демагогом и не управлял ни одной партией, когда захватил власть с помощью офицеров, его подчиненных во время войны. Единственными массовыми организациями, которые помогали ему, были некоторые социалистические профсоюзы, которые считали его «левым» и помнили его как активиста революционной фракции Польской социалистической партии во время революции 1905 г. Фактически, отказ профсоюза железнодорожников перевезти в Варшаву войска, посланные против него из Познани, перевесил баланс в его пользу.

В то же время Пилсудский воздержался от занятия должности президента или премьер-министра и оставался военным министром до самой смерти. Его единственными реальными интересами были армия и внешняя политика, и в некоторых вопросах, относящихся к этим делам, он проявлял поразительную дальновидность. Например, он никогда не сомневался в нацистской опасности, а с приходом Гитлера к власти и вовсе предложил французам совместную превентивную войну, которую последние отказались даже рассматривать. По другим аспектам общественной жизни у него не было идей (когда после переворота его спросили о его программе, он ответил: «Мы должны навести порядок и честность»). Однако, несмотря на личную честность и безразличие к деньгам, его своенравие и неуважение к закону скорее стимулировали, чем препятствовали распространению фаворитизма и коррупции. Он понятия не имел, что с этим делать, кроме как жаловаться, что «ему на спину забралось много вшей». В любом случае через несколько лет после прихода к власти его здоровье начало ухудшаться, и в течение последних двух или трех лет перед своей смертью в 1935 г. он

стал опасным и вспыльчивым инвалидом, который все еще мог назначать государственных служащих, но уже не мог следить за их действиями.

Пока маршал был жив, режим не проявлял никаких черт, относящихся конкретно к фашизму, отличных от других форм авторитаризма. Правящий круг состоял из старых офицеров Пилсудского (теперь в основном в звании полковников) и избранных высших должностных лиц. У них не было особых взглядов на экономическую политику, которые выходили бы за рамки консервативной ориентации. И хотя лишь у некоторые из них было аристократическое происхождение, все они вскоре установили довольно тесные дружеские контакты с землевладельцами и, в меньшей степени, с богатой буржуазией, которая, надо добавить, была очень маленькой и почти полностью еврейской, за исключением западных регионов, в основном немецких. Хотя политика аграрной реформы, проводимая несуществующим парламентским правительством, не была полностью прекращена, раздел крупных поместий происходил медленно. Общая экономическая политика была консервативной в том смысле, что никаких радикальных реформ не проводилось и даже не предполагалось, а правители не проявляли особой заботы о бедственном положении бедных. Однако было бы ошибкой рассматривать режим как инструмент буржуазии или даже инструмент землевладельцев. Первая была слишком слаба и отчуждена в силу своего еврейства, а второй слишком неэффективен, чтобы управлять страной с помощью встроенных инструментов. Преобладающими корпоративными интересами были офицерский корпус и чиновничество со своими семьями. Военная составляющая явно преобладала, и одним из наиболее заметных результатов *cuartelazo* было занятие многих важнейших гражданских должностей прикомандированными офицерами – аналогично тому, что имело место в Бразилии после 1964 г. и в Греции после 1967 г.

Чтобы получить влияние в парламенте и, в конечном итоге, контролировать его, Пилсудский приказал создать проправительственную партию, окрещенную Беспартийным блоком сотрудничества с правительством – название, которое хорошо указывает на ее пассивный характер. В ее состав входили в основном люди, чьи средства к существованию зависели от государства, то есть государственные служащие всех рангов и претенденты на такие должности, с небольшим количеством предпринимателей, надеющихся на государственный контракт или лицензию или менее жесткое обращение со стороны налоговой инспекции. Эмбриональная идеология заключалась в уменьшении беспорядка парламентского правления, указании на необходимость сильного правительства и армии и постоянных напоминаниях о том, что старое польское королевство исчезло из-за избытка свободы, что привело к анархии.

На практике наиболее заметной деятельностью Беспартийного блока, помимо распределения должностей, было публичное поклонение маршалу. Этот культ личности был связан с искренним всеобщим благоговением перед военными, подпитываемым сильным национализмом, который видел в армии единственную защиту от агрессивных соседей. Хотя многие люди возмущались наглым поведением офицеров и их вмешательством в политику, они все же не решались критиковать эту опору национального существования, и по этой причине довоенный польский режим пользовался большей поддержкой населения, чем латиноамериканские милитократии, которые рассматривались большинством граждан как инструменты экономического господства иностранцев.

Для полемики с распространенным предрассудком необходимо подчеркнуть, что ни у Пилсудского, ни у его наследников не было антисемитских наклонностей. Напротив, обвинения в филосемитизме послужили самым эффективным оружием в кампании, развернутой против него Национальной партией. Правительство всегда пыталось подавить вспышки антисемитизма – весьма сурово при жизни Пилсудского – и только в течение последних двух лет перед войной их решительность в этом вопросе начала ослабевать.

Правительство Пилсудского не было обделено популярностью в течение первых трех лет своего существования, и расширение его парламентской поддержки на выборах 1928 г. не было целиком вызвано административным давлением. Однако чтобы сохранить свои места на следующих выборах, которые прошли в разгар великой депрессии, действительно сильно ударившей по Польше, потребовалось массированное запугивание и фальсификации.

Незадолго до смерти Пилсудский в 1934 г. обнародовал новую конституцию (очень похожую на конституцию де Голля 1958 г.), которая формально передавала многие права и полномочия от парламента президенту. Сама по себе конституция не была несовместима с положением Польши и не была полностью авторитарной, поскольку правители по-прежнему были обязаны добиваться одобрения электората. Однако эта конституция так и осталась на бумаге, поскольку, помимо частых незаконных злоупотреблений властью, вскоре после смерти Пилсудского она была дополнена избирательным постановлением, устанавливающим систему проверки и отбора кандидатов с целью гарантировать победу правительства. Фактически новый избирательный закон отменил выборы и создал правовую основу для авторитарного режима, который, хотя был и менее деспотичным, чем диктатура Переса Хименеса в Венесуэле или Перона в Аргентине, но определенно был более диктаторским, чем режим де Голля.

Становясь все более вспыльчивым и нетерпимым, Пилсудский закончил свои дни в окружении толпы невежественных подопечных. После его смерти они в недоумении бросились на поиски чего-то, что могло бы заменить довольно запятнанную, но все еще стойкую харизму Пилсудского. Так, они начали подражать моделям, которые в то время, казалось, представляли победоносную тенденцию социальной эволюции, – фашистской Италии и нацистской Германии.

Безусловно, Пилсудский был виновен в приказе о незаконных арестах и жестоком обращении со своими оппонентами, не исключая также пару тайных убийств. Тем не менее он чувствовал себя из-за этих действий неловко и использовал силу с большой нерешительностью и сдержанностью по сравнению с со своими возможностями. Однако воодушевленные примером более «прогрессивных» государств, преемники отбросили его сомнения и создали концлагерь. Следует добавить, что этот лагерь, хотя и достаточно зловещий, не был предшественником Освенцима: его целью было не истребление, а запугивание политических оппонентов и заодно экономических преступников – в основном евреев, преступление которых заключалось в вывозе денег за границу без разрешения (стало необходимо в 1930-х гг.). Вина и тех, и других была «известна» только полиции и не могла быть доказана, поскольку в случае доказательства, они были бы приговорены судом и отправлены в обычную тюрьму. «Провинившихся» заключали в тюрьму без суда по решению начальника полиции или *старосты* – чиновника, подобного французскому *префекту* или *суб-префекту*. Пребывание в лагере для военнопленных обычно длилось недолго (от трех недель до шести месяцев), но обращение было чрезвычайно жестоким и, помимо жестоких избиений, применялись различного рода издевательства, нацеленные на подрыв самоуважения жертвы (ограничение времени нахождения в уборной, чтобы испачкать нижнее белье). Работали там имевшие выговор или наказанные в свое время за нападения на заключенных полицейские, а командовал ими полковник-садист Костек-Бернацкий.

Среди заключенных политических оппонентов были украинские националисты, польские фашисты, крестьянские вожди, коммунисты, социалисты, профсоюзы, даже консервативные журналисты, виновные в неуважительных высказываниях о характере одного из «властителей».

Другим важнейшим нововведением премьер-министра Славой-Складковского (полковника со степенью доктора медицины, но с умом фельдфебеля) было создание моторизован-

ной полиции по охране общественного порядка (шлемы их имели ту же форму, что и у *рейхсвера*). У этой полиции вскоре появилась возможность доказать свое мужество – они терроризировали крестьянин южных регионов страны, отказывающихся платить жестокие налоги.

Мертвого маршала на стенах всех общественных зданий стали окружать президент Москицкий и новый маршал Рыдз-Смиглы – весьма посредственный человек, послушный подчиненный Пилсудского. Со временем последний постепенно выдвинулся на первый план как главный объект культа личности, однако всегда пользовался искусственной преданностью по сравнению с той подлинной, которую испытывали последователи к Пилсудскому.

Идеологически проправительственная партия (переименованная после в Лагерь национального единства) оставалась в замешательстве и была настолько дезориентирована, что какое-то время некоторые из ее организаторов даже забавлялись марксистской фразеологией. Единственно верным фактом, за которым следовала большая часть нации, была преданность армии, то есть милитаризм. Были предприняты усилия по созданию проправительственных молодежных организаций. Результаты этих усилий были чисто количественными и сводились к тому, что большое количество карьеристов или малообеспеченных студентов просто собиралось в летнем лагере для временного проживания с бесплатной едой и транспортом. Воспитание в благоговении перед правительственной троицей (мертвым маршалом, новым маршалом и президентом) было усилено, а равнодушные учителя, особенно директора школ, были уволены и заменены более яркими поклонниками. Тем не менее эти попытки в целом не привели к возникновению фанатизма и массовой истерии, а в отношении накала чувств среди оппозиционных молодежных движений можно было найти только аналогии с *Гитлерюгендом* или Железной гвардией Румынии.

Партия Перона также была организована сверху, но в отличие от Лагеря национального единства ей удалось вызвать повсеместный и искренний энтузиазм в отношении *юстициализма*. Более того, в то время как партия польского правительства состояла практически полностью из государственных служащих и почти полностью исключала почти рабочих, эгалитарная демагогия Перона, получившая доверие благодаря некоторым мерам социального выравнивания, обеспечила ему массу последователей среди рабочих.

Склонность к перегруппировкам привела к тому, что правители начали нумеровать и ввели форму для мальчиков средних школ, однако более трудоемкая и тяжелая военная подготовка для мальчиков старше 16 лет во всех учебных заведениях была, по крайней мере, частично продиктована искренним желанием укрепить национальную оборону. Несмотря на растущую репрессивность режима, оппозиционные партии продолжали действовать на законных основаниях, за исключением Коммунистической партии, членство в которой каралось лишением свободы на срок до пяти лет. Профсоюзы сохранили свою полную независимость, хотя подвергались преследованиям, а их члены рисковали быть избитыми полицией во время забастовок. Открытые враги режима продолжали преподавать в университетах (которые, в отличие от школ, имели большую автономию), а «вражеские» газеты продолжали печататься, хотя и подвергались преследованиям. Более того, в некоторых университетах и колледжах физически сильные члены полуфашистских и фашистских оппозиционных молодежных движений могли унижить своих проправительственных коллег и даже профессоров и вели войны с полицией, которые в некоторых случаях длились по несколько дней. С другой стороны, гражданин мог быть приговорен к двум годам тюремного заключения за то, что сказал должностному лицу что-то, что могло быть истолковано как оскорбление, хотя обращение с общественностью со стороны государственных служащих было очень грубым. На фоне этого попасть в страну и выехать из страны было легко, получить зарубежные публикации тоже не стоило большого труда.

Польский режим никогда не был полностью или даже наполовину фашистским в любом приемлемом смысле этого слова: он не вырос из движения, у него не было доктрины, защищающей новую социальную или даже политическую систему, его массовая организация была создана бюрократически сверху, и никогда не использовалась для уличных боев, подавления забастовок или сдерживания оппонентов (это было работой полиции). В нем не было аналогий с гитлеровскими штурмовиками или чернорубашечниками Муссолини. Ни один из лидеров не был харизматическим демагогом. В карьере и личности они больше походили на аргентинского Онгания или бразильского Каштелу Бранку, чем на Гитлера, Муссолини или Дорио.

По сравнению с нацистской Германией или фашистской Италией довоенная Польша имела больше аналогий с франкистской Испанией, хотя и в этом случае существовал ряд важных отличий: польская диктатура была более толерантна к независимым организациям и более либеральна в отношении распространения идей и цензуры прессы. Во-вторых, испанская фашистская партия (Фаланга) была частью правящего истеблишмента, тогда как в Польше полуфашистская Национальная партия, а также меньший, почти полностью фашистский, Национально-радикальный лагерь надеялись свергнуть режим, хотя отколовшаяся группа последней на короткое время, когда полковник Коч подтолкнул правительственную партию (Лагерь национального единства) к более полному фашизму, объединилась с правительством в 1937 г. В-третьих, в Испании армия рассматривалась как двигатель внутренних репрессий, тогда как в Польше она пользовалась искренней симпатией большинства нации, хотя, конечно, не этнических меньшинств. Нет более яркого контраста, чем между угрюмой реакцией скудных зрителей на военном параде в Мадриде и овациями большой толпы, сопровождавшей подобные мероприятия в Польше. Несмотря на то, что они выступали против чрезмерной власти и привилегий офицеров, даже социалисты не были антимилитаристами, так как в данных обстоятельствах только тот, кто выступал за новое подчинение Польши одним из ее соседей, мог быть враждебным по отношению к армии как таковой.

В-четвертых, польская диктатура не пользовалась особой благосклонностью церкви, которая в целом предпочитала оппозиционную Национальную партию и слегка беспокоилась о кальвинистском происхождении Пилсудского, социалистическом прошлом и еврейских друзьях. В то время как небольшая доля лояльности, которую испанские военные повстанцы и их союзники землевладельцы действительно сумели найти среди масс во время гражданской войны, была полностью обусловлена благословением церкви их стремления защитить веру от безбожных республиканцев. На протяжении всего своего существования пиетистское послушание было единственным аспектом идеологической поддержки испанского режима, который имел хоть какую-то движущую силу среди простых людей. В Польше клерикальный вопрос мог бы стать яблоком раздора, если бы борьба велась между социалистами и другими. Поскольку и правительство, и два его самых сильных противника (Национальная партия и Народная партия, известная за рубежом под более описательным названием Крестьянская партия), не только желали, но и стремились оставить Церковь под контролем душ, соперничали друг с другом в благочестии, и все принимали священников в свои ряды. Следовательно, церкви не пришлось выбирать между основными соперниками за власть, и она могла сосредоточить свой гнев на марксистах и либеральных вольнодумцах.

Пятое различие между довоенной Польшей и франкистской Испанией состояло в том, что идеологическая составляющая, которую можно было назвать фашистской в отличие от милитаристской или просто авторитарной, была даже слабее в польском режиме, никогда не предпринимавшем никаких попыток примкнуться к программе Фаланги или Опус Деи. В Польше в то время существовала партия, называвшая себя Фаланга, но она находилась в яростной оппозиции. Более того, польские правители никогда не предпринимали никаких

попыток создать корпоративистскую экономическую систему, и такие меры экономического интервенционизма, как валютный и импортный контроль, введенные в 1930-х гг., были продиктованы прагматической озабоченностью отчаянным положением платежного баланса.

По сравнению с Венгрией Хорти в Польше аристократия имела гораздо меньшую власть. Вопреки распространенному мнению, очень немногие из правивших Польшей полковников были аристократического происхождения. Сам Пилсудский аристократом тоже не был, а происхождение его преемника Рыдз-Смиглы было настолько неясным, что его враги шептались, что он сын украинской крестьянки и австрийского жандарма. Иностранцы имена, такие как Бек или Бартель, или крестьянские, такие как Коч или Рыдз, указывали на то, что их носители не были аристократами, – они преобладали лишь на дипломатической службе и были среди кавалерийских офицеров. В целом, польский режим накануне войны можно охарактеризовать как авторитарную, в высшей степени милитаристскую, псевдофашистскую бюрократию.

Самым опасным врагом режима, то есть врагом, наиболее способным в краткосрочной перспективе проникнуть на важные посты и организовать переворот, была Национальная партия. Она начала свою деятельность как Национальная демократия и в парламентскую эпоху до 1926 г. имела больше аналогий с Индийским Конгрессом, чем с чернорубашечниками Муссолини. Ее основатель Роман Дмовский, подобно Пилсудскому, не отличался знатным происхождением, был политическим интеллектуалом, как Неру или Томаш Масарик, а не грубым подстрекателем сброда, как Гитлер или Дорио. Его труды отличались высокоинтеллектуальным уровнем и образованным стилем в отличие от трудов Муссолини или Примо де Риверы, не говоря уже о его отношении к нацизму. По своему мировоззрению и манере выражения своих взглядов он больше всего напоминал старейшин Аксьон Франсез (Action Francaise), таких как Шарль Моррас, но особенно Жака Бенвиля, с которым разделял страх и неприязнь к немцам. Дмовский передал это отношение Национальной партии, в том числе ее новому фашистскому крылу, которое на протяжении всего своего существования оставалось горячо профранцузским и воинственно антинемецким, и обычно обвинял правительство (особенно когда полковник Бек был министром иностранных дел) в трусости или даже измене в переговорах с западным соседом. Соревнуясь друг с другом в патриотизме, правительство и Национальная партия совместно разжигали националистический пыл до такой степени, что, независимо от их мнения о шансах Польши на самозащиту, лидеры не могли подражать доктору Бенешу и согласиться с ультиматумом Гитлера.

Национальная партия, помимо шовинизма, обратилась сперва к антисемитизму и потом к недовольству против привилегированных бюрократов, которое было особенно сильным в западных регионах. Там оно сочеталось с протестами против дискриминации в пользу других частей страны. Экономическая программа партии была *пуджадистской*: защита мелких торговцев и производителей от хищных бюрократов и большого бизнеса, находившегося в руках евреев и немцев, что объясняет слияние *пуджадизма* и шовинизма. Отнюдь не проповедуя желательность диктатуры – вряд ли выгодную линию для страны, которая уже пользовалась преимуществами этих методов ведения государственных дел, – партия требовала возрождения демократических свобод и честных выборов. Фактически, принцип *фюрерства* (Führerprinzip) так и не стал официальной доктриной партии, тем не менее, по своей организации и содержанию пропаганды, а также способам ее проведения в течение 1930-х гг. партия и особенно ее молодежное движение все глубже и глубже подпадала под чары фашизма.

Как и в большинстве стран мира, великая депрессия 1930-х гг. радикализовала все политические группировки в Польше; скатывание Национальной партии к пуджилизму и диверсионным мероприятиям было переплетено с растущей репрессивностью режима в контексте взаимного стимулирования.

У Муссолини в Польше было много поклонников, как в правительстве, так и среди его врагов. Привлекательность его идей усилилась еще больше на фоне впечатляющей карьеры Гитлера и успеха в быстром росте могущества и международного статуса Германии. Не то чтобы польские поклонники Гитлера были прогермански настроенными. Напротив, не вызывая упреков со стороны старших, молодые лидеры Национальной партии провозгласили своей целью отвоевание всех земель, когда-либо управляемых польскими королями (граница по Одеру и Нейсе на западе вместе с Восточной Пруссией). Партийной эмблемой был меч Болеслава Храброго, установившего границу своего королевства за Одером в начале XI века. Удивительно, сколько людей считали эти цели осуществимыми, особенно потому, что они предполагали отодвигание восточных границ Польши до Пскова и Черного моря. Меньше всего империалисты ожидали, что первая часть их программы территориальной экспансии будет осуществлена Сталиным ценой аннексии восточных территорий довоенной Польши. Их отношение к Гитлеру было выражением восхищения его умением и смелостью в сочетании с сильным желанием сделать для Польши то, что, как они считали, он делал для Германии: создать монолитное военизированное государство, которое могло бы победить немцев в их собственной игре. Естественно, это было общепризнанной целью более радикальной отколовшейся группы, Национально-радикального лагеря, хотя на практике эта фракция пренебрежала значение вопросов внешней политики и сосредоточивалась на травле и преследовании евреев.

К сожалению, с точки зрения целей Национальной партии, государство состояло из крупных этнических меньшинств, которые составляли более трети населения. Что касается украинцев, белорусов и литовцев, план этих польских двойных патриотов состоял в том, чтобы применить к ним то же средство, которое немцы испробовали на поляках до 1918 г., – насильственную ассимиляцию. Усилия в этом направлении, заключающиеся в сокращении числа школ и изданий, не говорящих на польском языке, неоднократно предпринимались администрацией, но Национальная партия и ее более радикальные отколовшиеся группы обвиняли правящий круг в предательской робости. Что касается евреев, они считали политику ассимиляции нежелательной, даже если бы ее удалось осуществить.

Везде, где были большие массы плотно заселенных евреев, существовала эндогамия и определенная степень недоверия и взаимного презрения или, по крайней мере, снисходительности часто в сочетании с выражениями вражды, открытая со стороны большинства и замаскированная со стороны меньшинства. Однако в традиционной Восточной Европе этот барьер не ставил под сомнение право евреев на место в обществе. В Польше идея о том, что можно избавиться от евреев, появилась только в начале XX века и стала широко популярной в 1930-х гг., будучи главной опорой пропаганды Национальной партии; другой вклад партии в социально-политическую религию проявился особо ярко в упорных поисках еврейских корней у видных политических противников. Однако следует добавить, что еврейские корни можно было найти главным образом среди знати и интеллигенции нескольких поколений. Между прочим, если исходить из так называемых расовых черт, совершенно очевидно, что очень многие центральноевропейские аристократы имеют гораздо более тесные генетические отношения с древними семитами, чем большинство генералов израильской армии, чей внешний вид типично славянский. Польские романы содержат много упоминаний об «орлином носе», типичном для высокопоставленной воинственной знати, и ясно, что эта генетическая особенность не является коренной для этой части Европы и, возможно, исходит из Ближнего Востока. Сторонники расовой чистоты не обращали внимания на такие мелочи.

Учитывая, что можно было предвидеть в то время, решение, предложенное Национальной партией для еврейской проблемы («трансплантация» евреев в Палестину), было столь же безумным, как и идея границы. Единственные евреи, которых одобрила Национальная пар-

тия, были сионисты; и хотя некоторые из их последователей перешептывались об убийстве евреев, партийные планировщики разработали меморандумы о том, как организовать еврейскую эмиграцию, рассчитав, сколько для этого потребуется кораблей и железнодорожных вагонов, и сколько надо путешествовать по суше, а сколько по морю. Некоторые предлагали Польше взять под свой контроль палестинский мандат и отправить войска, чтобы «выкроить» еврейское государство. Самым распространенным лозунгом на плакатах антисемитских демонстраций было «Вон в Палестину», хотя на практике основные усилия были направлены на сокращение доступа евреев к прибыльным профессиям, таким как медицина и юриспруденция, недопущении их к высоким должностям в армии и на государственной службе, подрывая их конкурентоспособность в бизнесе преследованием и ограничивая количество студентов-евреев в университетах. Официальная цель Национальной партии состояла в том, чтобы свести число студентов-евреев к 10 % от всех студентов (процентное соотношение евреев к общей численности населения), но горячие головы надеялись полностью отстранить их от высших учебных заведений.

По мере того, как углубляющийся кризис заставлял капитализм *laissez-faire* казаться все менее действенным, Национальная партия все больше и больше тяготела к идее корпоративистской экономики по итальянской модели, но с сильной чертой *пуджадизма*. Национальная партия никогда не была преторианской гвардией капитализма (если использовать выражение Каутского), во-первых, потому что капиталисты были либо евреями, либо немцами и, следовательно, неподходящими союзниками для шовинистической партии; во-вторых, потому что ни большой бизнес, ни владельцы поместий не нуждались в дополнительной охране, поскольку были достаточно хорошо защищены авторитарным государством. Следовательно, в отличие от итальянского фашизма, сильные отряды молодежного движения никогда не использовались для запугивания рабочих или арендаторов и подавления забастовок. Действительно, поскольку битье окон еврейских магазинов было одним из их главных занятий, и поскольку большинство владельцев магазинов были евреями, деятельность этих активистов можно было сразу назвать антикапиталистической. Еще одним важным отличием от итальянского фашизма (и тем более нацизма) был клерикализм Национальной партии, которая пыталась превзойти правительство благочестием и ультрамонтанскими прокламациями и, таким образом, привлечь на свою сторону могущественную силу набожности.

Для справедливого доступа к идеалам и привлекательности корпоративного государства необходимо избавиться от уничижительного эмоционального резонанса, которое приобрело слово «корпоративист» в результате использования режимами, проигравшими войну, помимо совершения ужасных преступлений. Первое, что необходимо помнить, это то, что до публикации Кейнсом своей «Общей теории» в 1936 г., никто не предложил проанализировать экономический кризис, а ведь это могло стать эффективным и аргументированным средством правовой защиты. Наиболее успешной политикой против безработицы в то время была политика Яльмара Шахта, имитирующая решения Кейнса, проводимая под эгидой Гитлера. Поскольку капитализм *laissez-faire* явно не работал, большинство людей согласилось, что его необходимо заменить, и единственный спорный вопрос был «чем». Выбор был ограничен некоторой формой конфискационного коллективизма, вдохновленного марксизмом, с одной стороны, и некоторой формой регулирования посредством партнерства между государством и частными производителями, организованными в картели, гильдии и корпорации, с другой. Не нужно быть сумасшедшим или преступником, чтобы выбрать последнее решение, особенно если у кого-то есть собственность или хорошая работа, которые можно потерять в случае революции. Между корпоративизмом и концентрационными лагерями нет необходимой связи, и в любом случае корпоративизм Муссолини был в значительной степени (и полностью принадлежал Гитлеру) фикцией, прикрывающей чистый деспотизм. Более того, хотя

слово «корпоративизм» стало ругательством, экономическая структура современной Западной Европы развивалась в направлении, которое не слишком сильно отличается от того, что академические протагонисты корпоративизма предполагали в 1920-х и начале 1930-х гг.

В то время как роль Национальной партии в обществе и политике была весьма различной, ее имитация итальянской и немецкой моделей в сфере атрибутов прошла почти полностью. Постепенно все более влиятельное молодежное крыло вводило в старую партию коричневые рубашки, сапоги, гусиный шаг и нацистское приветствие. Однако, в отличие от *фашизма* или *штурмовиков*, этим когортам полиция не позволила носить оружие. Более того, в отличие от своих современных моделей, в партии не было харизматического лидера. Старый политик-интеллектуал Роман Дмовски оставался титульным главой до своей смерти незадолго до войны, но он был совершенно непригоден для руководства штурмовиками в форме.

В западной Польше Национальная партия пользовалась поддержкой подавляющего большинства населения, возмущенного варшавскими бюрократами. Поскольку это был единственный регион, где торговля находилась в руках язычников, местным торговцам понравилась партия, обещавшая не подпускать евреев к торговле, а также экономическая программа *пуджадизма*. Более того, только в этих провинциях крестьяне были зажиточными, имеющими чувство собственного достоинства, а не верноподданности. Следовательно, только здесь они были привлечены к партии, которая пыталась интегрировать крестьян с ремесленниками, мелкими торговцами и интеллигенцией свободных профессий в противовес жадным бюрократам. В центральной Польше Национальная партия добилась определенных успехов среди ремесленников и формирующегося класса нееврейских мелких торговцев. Однако большинство промышленных рабочих присоединилось к Социалистической партии. В южной и в центральной (в меньшей степени) Польше большинство крестьян поддерживало Народную партию. Существовало также множество других партий – украинских националистов, еврейских социалистов, крестьян-марксистов и т. д., – но ни одна из них не имела большого влияния. Однако следует отметить, что по причине того, что правительство прибегло к фальсификациям и запугиванию на выборах, даже до введения новой системы отбора кандидатов, результаты опросов не отражали истинную меру народной поддержки, которую получили различные партии.

Поведение интеллигенции Национальной партии в значительной степени сводилось к неким уловкам: для благополучного выживания необходим был переход на сторону правительства, в то время как студенты и выпускники не обладали должными связями и, следовательно, не имели хороших перспектив на хорошую бюрократическую должность; однако их благочестие или непролетарское происхождение удерживало их от социализма – они стекались в молодежное движение и готовились к свержению правительства. В равной степени их привлекла программа ликвидации конкуренции евреев на работу служащих. Основным условием этих мотивов было то, что количество лиц с высшим образованием значительно превышало спрос, хотя не обязательно потребности, которые не могли быть переведены в денежные предложения.

Были и те, кто считал Национальную партию слишком умеренной – слишком сильно находящейся под влиянием пожилых профессоров, юристов и священников и, возможно, недостаточно стремившихся предоставить руководящие должности, соизмеримые с их заслугами, молодым головорезам, которые в результате отделились и основали Национально-радикальный лагерь, выступавший за более жестокие прямые действия и даже терроризм. Небольшая отколовшаяся группа схожих убеждений назвала себя Фаланга, чтобы подчеркнуть чувство родства с испанским прототипом. Несмотря на небольшое количество этих фракций, они производили большой шум и имели большое количество последователей среди

студентов. Их обвиняли в нескольких политических убийствах, но основная их деятельность заключалась в организации студенческих беспорядков и нападениях на евреев. Считалось, что они собирали оружие. Некоторые из их лидеров были отправлены в правительственный концлагерь.

Национально-радикальный лагерь напоминал Железную гвардию своей готовностью прибегнуть к насилию, но не своей религиозностью, будучи, по сути, гораздо менее клерикальным, чем Национальная партия, и в этом отношении больше похожим на итальянских фашистов или нацистов. С другой стороны, по социальному происхождению ее члены были гораздо менее демотическими, чем Железная гвардия или нацисты, и больше походили на французских кагуляров или испанскую Фалангу. Как и в случае с Аксьон Франсез (Action Francaise), его пропаганда и деятельность имели меньше популистских оттенков, чем нацисты, не говоря уже о полностью популистской Железной гвардии.

Таким образом, накануне войны на польской политической арене возникла любопытная группировка сил. Партии, открыто поклявшиеся поддерживать интересы более бедных классов (Народная партия и Польская социалистическая партия), хотя и пользовались широкими симпатиями, но эффективно сдерживались полицией; в то время как Коммунистическая партия была запрещена и в любом случае ослаблена ее подчинением национальному врагу, а также уничтожением ее лучших лидеров во время сталинских чисток. Открытая борьба за власть шла между псевдофашистской милитаризованной бюрократией и полуфашистской партией антисемитских и ультрамонтанских шовинистов.

В течение последних нескольких месяцев перед войной внутренние распри, смягченные нарастающей волной идеализованного воинственного рвения, несколько утихли. Поскольку нацисты проводили политику назначения немцев на все руководящие должности в оккупированной Польше, они не искали эквивалент Квислинга. Тем не менее факт остается фактом: ни один из полуфашистских и псевдофашистских политиков не предложил им своих услуг, в то время как многие пали в прямой борьбе с врагом, сопротивляясь вторжению или в подпольной армии, или погибли в концентрационных лагерях. Учитывая то, как нацисты обращались с побежденными, неудивительно, что они находили коллаборационистов (будь то для преследования евреев или какой-либо другой цели) не на основе идеологических симпатий, а среди людей низких моральных устоев, лишенных всякого чувства чести и особенно подверженных мотивам трусости и жадности.

*Перевод с английского А.Г. Акоюн
Научная редакция В.П. Макаренко*

Andreski St. 1992. *Wars, Revolutions, Dictatorships: Studies of Historical and Contemporary Problems from a Comparative Viewpoint*. – London: Frank Cass.